

УДК 81`42

DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.13

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ МИФАХ (ЧАСТЬ 2)

TOWARDS SYNTACTIC UNITS AND SYNTACTIC MYTHS (PART 2)

Марина Юрьевна Сидорова

**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия**

Marina Yuryevna Sidorova

**Moscow Lomonosov State University,
Moscow, Russia**

Аннотация

Статья посвящена русской грамматической традиции в установлении единиц синтаксиса, рассматриваемой с позиций понимания науки как системы «операций с утверждениями». Анализируются два компонента формирования этой традиции: собственные утверждения ученых касательно единиц и объектов синтаксиса и интерпретация утверждений предшественников, которая может находиться на разном расстоянии от оригинальной научной парадигмы, в которой эти утверждения изначально были сделаны. Выявляется ряд неточностей в «оперировании утверждениями», сделанными классиками отечественной лингвистики — А. А. Шахматовым и В. В. Виноградовым, у их последователей.

Ключевые слова: русский язык, научная традиция, синтаксические единицы, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов.

Abstract

Within the modern methodological framework of regarding science as “operations with statements” (B. Latour, S. Woolgar) the article aims at answering the question: which approaches to syntactic units could really be labelled as “the Russian grammar tradition”? Two aspects constituting this tradition are discussed: independent statements made by outstanding scientists (original texts) and their later interpretations (post-texts) which may be rather distant from

the original paradigm these statements were made in. Comparing the original texts and later post-texts, we discover and try to systematize the misrepresentations and misinterpretations which are further spread among new generations of linguists via internet. Thus, comparison of statements on syntactic units made by the fathers of Russian linguistics A. A. Shakhmatov and V. V. Vinogradov — and their reflection in the works of their successors reveals a number of inaccuracies which themselves form a tradition. The fact that substantial misinterpretations of the “fathers’” syntactic views can be found even in classical university textbooks is illustrated by introducing M. V. Lomonosov and A. A. Shakhmatov in V. A. Beloshapkova’s well-known Russian syntax for universities as the founders of the allegedly traditional idea that two syntactic units should be distinguished: sentence (“predlozhenie”) and word combination (“slovosochetanie”). Also we demonstrate the following types of misrepresentations and misinterpretations: 1) the tendency of integrating Shakhmatov’s and Vinogradov’s views on syntactic units into the structuralistic level-based approach to language; 2) the distortion of causal relations in textbook explanations why this or that scholar formulated his or her idea of syntactic units and 3) the excessively broad or narrow approach to the idea of succession which can be selected by authors of post-texts to defend their own position in Russian grammar tradition and to cross scientific opponents out of it. Recognizing that some of these inaccuracies arise from the original texts themselves (changes in the scholar’s views during his life; ambiguous statements; combination of terminological and non-terminological usage of the same word), we argue that a lot of them still stem from a conscious or unconscious wish of an author of a textbook or other post-text to present an integrated view of the Russian grammar tradition rather than investigate the real history of operations with statements on syntactic units in it.

Key words: Russian language, scientific tradition, syntactic units, A. A. Shakhmatov, V. V. Vinogradov.

Введение. Рассматривая вопрос о том, насколько соответствует реальности широко распространенное утверждение о *традиционности* выделения в русской грамматике *двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения*, в первой части нашей статьи мы обращались к различным типам источников: от трудов классиков лингвистической науки, таких как М. В. Ломоносов и А. А. Шахматов, до их изложения в вузовских учебниках конца XX — начала XXI века и трансляции сведений из этих учебников во вспомогательных материалах в интернете. Мы выяснили, что, хотя с определенного момента отечественная грамматическая мысль, действительно, вращалась вокруг словосочетания и предложения как двух основных синтаксических объектов, обобщать эти научные поиски посредством обсуждаемой формулировки — значит, прибегать к чересчур вольному допущению. Также нами были обнаружены другие неточности

представления классических предтекстов в учебных послетекстах второй половины XX — начала XXI века, связанные с иерархизацией понятий, интерпретацией причинно-следственных связей, смещением терминологического и нетерминологического употребления слов и анахронистическим переносом понятий из одной системы в другую.

Основная часть. Вновь отталкиваясь от того толкования русской грамматической традиции выделения синтаксических единиц, которое предлагают авторы «Синтаксических сюжетов» [Анипкина, Бубнова, Крылова 2016], обратимся теперь к точке зрения акад. В. В. Виноградова. С одной стороны, в указанном учебном пособии ему, как и А. А. Шахматову, приписывается трактовка словосочетания как *синтаксической единицы*, т.е. единицы *синтаксического уровня языка*. С другой — в подтверждение приводится фрагмент виноградовского текста, содержащий следующие известные формулировки: «...Словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса. Словосочетание, в отличие от предложения, совсем не является цельной единицей языкового общения и сообщения» [Виноградов 1960: 44]. По Виноградову, словосочетание в синтаксисе должно изучаться «как строительный материал для предложения», т.е. со стороны его «функций... в составе предложения» [там же]. Здесь мы попутно можем задать вопрос, досконально исследовать который не позволяют рамки статьи: насколько далеко могут отстоять друг от друга взгляды двух ученых, чтобы об одном из них, хронологически более позднем, можно было сказать, что он развил концепцию, идею и т.п. предшественника. Между утверждениями «словосочетания выделяются в составе предложения» (у Шахматова) и «предложения строятся из словосочетаний» (у Виноградова) — существенная дистанция. В [Современный русский язык 1964: 262], обсуждая статус разных типов словосочетания по отношению к предложению и слову, Е. М. Галкина-Федорук дает третий вариант формулировки: «Словосочетания возникают при построении предложения и вычлняются из предложения».

Взгляд на словосочетание как строительный материал предложения мы находим и в других трудах Виноградова. «Предложение, — пишет он в работе “Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка)”, — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т.е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Язык как орудие общения и обмена мыслями между всеми членами общества пользуется предложением как основной формой общения. Правила употребления слов в функции предложений и правила *соединения* (курсив здесь и далее в цитате наш. — М.С.) слов и словосочетаний в предложении — ядро синтаксиса того или иного языка. <...> Изучая правила *составления*

предложений, синтаксис прежде всего должен выяснить, как слова и словосочетания, *объединяясь* в структуре предложения в качестве его членов, *образуют* предложение — эту основную синтаксическую единицу языкового общения — и в чем заключаются характерные конструктивно-грамматические признаки предложения» [Виноградов 1955: 389].

Важно, что Виноградов (как и Шахматов), трактуя предложение как *единицу речи*, или *синтаксическую единицу речевого общения*, не говорит о синтаксическом *уровне* в том значении термина, которое представлено в [Белошапкина 1981, 1989; Анипкина, Бубнова, Крылова 2016] и не занимается доказательствами его существования. Это лейтмотив более позднего времени: он был, по нашим личным воспоминаниям, весьма ощутим в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда активно проявлялась, но, к счастью, не дошла до апогея тенденция к превращению русистики из науки о языке в науку об отдельных уровнях языка, а изучения каждого уровня — в изучение его единиц (см. далее определение синтаксиса из учебника В. А. Белошапкиной). Предлагать подобную интерпретацию суждениям Виноградова настолько же анахронично, как утверждать, что древнерусский книжник использует ту же систему знаков препинания, что и мы сегодня, или полагать, что, советуясь о переводе слова «либеральный» для проекта конституции в XIX веке, П. А. Вяземский и Н. М. Карамзин понимали его в нашем сегодняшнем смысле.

Тем не менее В. В. Виноградов использовал характеристику «синтаксическая единица» и по отношению к словосочетанию, очерчивая круг явлений, составляющих «центральную часть» синтаксиса как раздела языкознания, — «учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями)» [Виноградов 2001 (1947): 16]. Словосочетание здесь в скобках, рядом с предложением, сложным синтаксическим целым и синтагмой — там, где нужно обозначить три *предмета* синтаксиса как науки: синтаксические *категории*, синтаксические *отношения*, синтаксические *единицы*. Последние в данном случае нельзя, как бы ни хотелось, назвать объектами, потому что и первое, и второе, и третье — объекты изучения синтаксиса, а Виноградов всегда стремится к точности. Иными словами, выражение *синтаксические единицы* используется здесь для того, чтобы назвать «материальные» языковые объекты, входящие в «центральную часть» синтаксиса, — не категории, не отношения.

Тут же Виноградов называет «основными единицами языка» слово и предложение, подчеркивая, что «словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово

и предложение» и что именно пониманием слова и предложения определяется методология и структура лингвистического знания.

Таким образом, Виноградов говорит о *языковых единицах* (*единицах языка*), к которым относит и предложение, и словосочетание, и слово; о *синтаксических единицах*, к которым причисляет словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое, синтагму, и о *единице речевого общения* — предложении. При этом понятие «синтаксическая единица» у него не равно современному, и синтаксических единиц в таком понимании никак не две, а четыре.

Значит ли сказанное, что В. В. Виноградов был непоследователен в своих суждениях или что его взгляд на соотношение словосочетания и предложения претерпевал принципиальные изменения на протяжении его творческого пути? Мы полагаем, что, напротив, — Виктор Владимирович был последователен и непротиворечив в трактовке словосочетания и предложения, точно проводя границу между онтологией и гносеологией и гораздо более отчетливо, чем другие большие ученые — его современники, выступая в качестве хранителя отечественной грамматической традиции. Во всех трудах Виноградова, где затрагивается этот вопрос: от монографии «Из истории изучения русского синтаксиса» [Виноградов 1958], написанной по материалам курса, прочитанного им в МГУ имени М. В. Ломоносова в 1947–1948 гг., до введения в академический синтаксис 1954 г. [Грамматика 1954], — главное, что заботит Виноградова, — это, с одной стороны, сохранение и развитие в структуре науки о русском синтаксисе обеих неотъемлемых, с его точки зрения, составляющих — учения о предложении и учения о словосочетании (гносеология), с другой — выявление и обоснование различного статуса предложения и словосочетания в системе языка и речевом общении (онтология). Анализируя и обобщая взгляды предшественников (порой посредством весьма «радикальных» формулировок, как, например, характеристика высказывания Фортунатова, связывающего господствующие типы двучленного предложения с понятием о «самостоятельном или законченном словосочетании», как сыгравшего «почти роковую роль» в истории русского синтаксиса [Виноградов 1958: 392]), Виноградов демонстрирует нам путь формирования русской грамматической традиции — постепенное объединение в ней учения о предложении как единице общения и учения о словосочетании как его строительном материале — и на этой основе строит программу дальнейших исследований. Переформулируя сегодняшним языком, можно говорить о том, что именно Виноградов четко постулирует необходимость взаимосвязанного изучения синтаксических явлений и докоммуникативного (допредикативного), и коммуникативного (предикативного) уровня: от того момента, как слово «входит» в синтаксис, до момента образования связной речи.

Виноградов решает при этом весьма сложные объединительно-разграничительные задачи. С одной стороны, ему необходимо утвердить самостоятельный статус синтаксиса, как содержательный, так и методологический, отграничив его от лексикологии и морфологии и не позволяя расплываться его границам¹, с другой — подчеркнуть неразрывную связь между этими разделами науки о языке. Эта связь основывается на двух факторах — один действует как бы «сверху», второй — «снизу»: предложение как единица речевого общения востребует для своего построения ресурсы всех остальных уровней, выводя их тем самым в коммуникативную плоскость, а средоточием и носителем этих ресурсов (семантических, формальных и функциональных) является слово, «отдавая» их, реализуя их в синтаксисе. Словосочетание при таком подходе может либо восприниматься в качестве посредника в этом взаимодействии, либо балансировать (в зависимости от типа, прежде всего — уровня связанности) между статусами распространенного слова или материала для предложения. Где же оно должно изучаться и какими методами? Ответ В. В. Виноградова — в синтаксисе, грамматическими методами, направленными на установление «правил сочетания слов, закономерностей образования разных видов и типов словосочетаний», в которых «ярко проявляется национальная специфика языка» [Грамматика 1954: 11]. Понятия «словосочетания» и «типология словосочетаний» дают возможность изучать сочетаемость слов грамматическими методами. При этом слово для Виноградова, как мы уже видели, «центральнее», чем словосочетание, что подтверждается определением синтаксиса в Грамматике 1954 г.: «Предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов в словосочетания и в предложения, а также изучение типов предложений, их строений, функций и условий употребления. Следовательно, в синтаксис, кроме учения о предложении, кроме правил составления и соединения слов в предложения, входит и описание видов словосочетаний, описание способов сочетания слов в предложении» [Грамматика 1954: 6].

На оба указанных аспекта подхода В. В. Виноградова к словосочетанию и предложению — гносеологический и онтологический — обращала внимание Е. М. Галкина-Федорук в сборнике к шестидесятилетию академика. Действительно, Виноградов «обогастил синтаксическую науку новой теорией словосочетания», которая «легла в основу второй части академической Грамматики русского языка и получила широкое распространение среди советских языковедов» [Галкина-Федорук 1956: 10]. Это была теория словосочетания как синтаксического (или точнее — грамматического)

¹ Добавим к этому и необходимость проведения демаркационной линии между логикой, психологией и лингвистикой при обсуждении статуса предложения / логического суждения / психологического суждения.

объекта, как предмета изучения синтаксиса, но не единицы синтаксического уровня. В основе синтаксического учения Виноградова «лежит четкое разграничение словосочетания и предложения»: «Хотя и то и другое входит в синтаксис, будучи самостоятельными его разделами, они представляют собой качественно различные синтаксические категории» [Галкина-Федорук 1956: 10].

В виноградовском духе представлено соотношение между словосочетанием и предложением в мало устаревшем и несомненно входящем в русскую грамматическую традицию (хотя и незаслуженно подзабытом) учебнике по синтаксису Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой, Н. М. Шанского. Словосочетание рассматривается там, наряду со словом, в качестве строительного материала для предложения как объект изучения синтаксиса, а предложение как «целостная грамматически организованная единица речи» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2014: 3¹]. Термин *синтаксическая единица* по отношению к словосочетанию появляется только при пересказе имеющихся в науке точек зрения: «Одни ученые смотрят на словосочетание как на некую синтаксическую единицу, вычленимую из предложения. Другие полагают, что словосочетание может существовать вне предложения и до предложения» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2014: 4]. В целом вопрос «единица или нет» как вопрос наклеивания этикетки авторов учебника мало волнует, они сосредоточены на разъяснении различного лингвистического статуса предложения и словосочетания, точнее, двух его типов — свободных и фразеологизованных (максимально приближенных к слову) словосочетаний. Проблема единицы возникает только по отношению к статусу сложного предложения и решается весьма неоднозначно: «Как грамматически, так и семантически сложное предложение представляет собой такое же целостное единство, как и простое, а не простую сумму слагаемых. И простое, и сложное предложение одинаково являются средством сообщения, выражения и формирования мысли, выступая в функциональном отношении как однородные синтаксические элементы языка. Однако в языковом отношении они представляют собой все же различные синтаксические единицы» [там же: 146. Выделено авт. — М. С.]. Предмет синтаксиса формулируется, как и у Виноградова, без термина *единица*. Но с весьма симптоматичным изменением угла зрения, по сравнению с тем, что мы видели в Грамматике 1954 г.: «Синтаксис — отдел грамматики, изучающий формы и типы предложений, структуру словосочетаний и связи слов в предложении и словосочетании» [там же: 3].

Разобравшись с более отстоящими от нас по времени классиками, вернемся к трактовке синтаксических единиц и истории их выделения

¹ Ссылки приводятся на современное издание, как максимально доступное.

в учебниках В. А. Белошапковой. Фрагмент, выбранный в качестве аргумента к авторитету авторами «Синтаксических сюжетов» [Белошапкова 1977: 6–7], обсуждался в первой части статьи. Обратим внимание на то, что ссылка дана на издание 1977 года. После этого отдельного учебника проф. Белошапкова выпустила еще два университетских синтаксиса [Белошапкова 1981] [Белошапкова 1989] — в составе комплексного учебника, и три «синтаксиса Белошапковой» имеют определенные текстовые отличия в параграфах, посвященных синтаксическим единицам. Отличия принципиальные для обсуждаемого вопроса. Можно начать с того, что в учебнике 1989 года отсутствует ссылка на Ломоносова, стоявшего якобы «у истоков» выделения двух синтаксических единиц. Учебник 1981 года в данном фрагменте повторяет [Белошапкова 1977].

Внутренне противоречивым пассажем открывается в учебниках 1981 и 1989 гг. глава «Словосочетание»: «В ранних грамматических трудах (“Российская грамматика” М. В. Ломоносова, “Русская грамматика” А. Х. Востокова и др.) важнейшей частью синтаксиса считалось учение о закономерностях и правилах, в соответствии с которыми слова соединяются в связанные целые: поэтому много внимания уделялось описанию словосочетаний. Но это описание имело характер разбросанных и случайных наблюдений. Словосочетание как особая синтаксическая единица, занимающая определенное место в ряду других синтаксических единиц, не осознавалось» [Белошапкова 1981; 400] [Белошапкова 1989; 588]. Такое же начало параграфа о словосочетании, принадлежащего В. А. Белошапковой, находим в [Современный русский язык 1964: 263].

Здесь В. А. Белошапкова одновременно и следует за В. В. Виноградовым, указывая, что «словосочетание как особая синтаксическая единица... не осознавалось», и противоречит ему — в первом предложении. Анализируя грамматику XIX века, Виноградов всегда четко проводит разграничение между «словосочинением» (сочетаемостью слов) и «словосочетанием» как единицей или объектом синтаксиса: сосредоточенность на первом не только не всегда приводит к «описанию» второго, но и может увести от него. Так, отмечая, что Академическая Грамматика 1802 г. содержит новое, по сравнению с Ломоносовым, знание о разнообразии способов словосочетания в русском языке, Виноградов подчеркивает, что в ней содержится не учение о словосочетании, а «учение о правилах сочетаемости слов». «...Вместо дифференциации разных типов словосочетаний задача описания нередко сводилась к механическому составлению перечней слов с одинаковыми падежными или падежно-предложными связями безо всякой попытки общей семантической или грамматической характеристики их, без изучения соотношений и взаимоотношений между разными словесными группами. Изучение словосочетаний приобретало ярко выраженный лексикологический или лексикографический характер» [Виноградов

1958: 99]. То есть место главного синтаксического объекта фактически занимает слово — ему, а не словосочетанию уделяется много внимания, и «лексикографический» способ описания языка подчиняет себе грамматический: не «закономерности и правила» построения связанных целых интересуют авторов, а «лексические коллекции» [Виноградов 1958: 105].

В отличие от авторов «Синтаксических сюжетов», В. А. Белошапкова последовательно, в виноградовском духе проводит существенное разграничение между единицами и объектами синтаксиса. Не случайно в [Белошапкова 1989] появляется глава «Слово и форма слова как объекты синтаксиса», занимающая место между «Синтаксическими связями» и «Словосочетанием». В учебнике 1981 года, где этой главы еще нет, Вера Арсеньевна, указывая на существование разных перечней синтаксических объектов в разных научных направлениях и концепциях, пишет: «Наиболее очевидными и бесспорными являются: словосочетание, простое предложение и сложное предложение. Объекты синтаксиса также слово (лексема) и форма слова, но не сами по себе и не во всех своих свойствах, а лишь со стороны связей их с другими формами слов и их функций в составе синтаксических единиц, в которые они входят как компоненты: поэтому сами эти объекты и не являются синтаксическими единицами» [Белошапкова 1981; 363]. Здесь очевиден существенный концептуальный сдвиг по сравнению с точкой зрения Шахматова и Виноградова: словосочетание «поднято» до статуса полноценной синтаксической единицы, а место «строительного материала» отдано словам и словоформам. Понятие о сочетаемости слов как предмете грамматического исследования заменено понятием о связях между словами. К списку синтаксических единиц добавлено сложное предложение, чего не было ни у Шахматова, ни у Виноградова.

Все эти изменения, однако, позиционируются не как отход от традиции, а как ее продолжение: «Итак, в соответствии с общим направлением русской научной традиции и теми идеями, которые представлены в большинстве современных синтаксических концепций, прежде всего в концепции В. В. Виноградова, определим синтаксис как учение о трех единицах: словосочетании, предложении и сложном предложении... Словосочетание — непредикативная синтаксическая единица, компонентами которой являются слово и форма слова или несколько форм слов, связанные между собой синтаксической связью. Простое предложение — предикативная синтаксическая единица, состоящая из нескольких связанных синтаксической связью форм слов или из одной формы. Сложное предложение — синтаксическая единица, компонентами которой являются предложения, связанные между собой синтаксической связью» [Белошапкова 1981; 366]. На одной странице учебника констатируется, что «давнюю стойкую традицию русской синтаксической науки составляет выделение двух основных синтаксических единиц — словосочета-

ния и простого предложения» [Белошапкина 1981; 364], а чуть дальше в ту же традицию эксплицитно включается сложное предложение: «Традиционное для русской синтаксической науки понимание синтаксических объектов характеризуется тем, что наряду со словосочетанием и простым предложением как особая синтаксическая единица выделяется сложное предложение» [Белошапкина 1981; 366] (эти же формулировки за исключением слова «стойкую» и с заменой «выделяется» на «рассматривается» в [Белошапкина 1989: 532, 534]. Эксплицитное включение в состав синтаксических единиц сложного предложения меняет не просто перечень, но понимание синтаксической единицы (уже хотя бы потому, что компонентами сложного предложения, по Белошапкиной, являются единицы не низшего, морфологического, уровня, а того же, синтаксического, таким образом, наличие синтаксических связей остается единственным общим признаком трех синтаксических единиц).

Если право придерживаться своего списка синтаксических единиц принадлежит любому грамматисту, то «эластичность» традиции все же должна быть ограничена объективной реальностью. Учением «о трех единицах» синтаксис до учебников Веры Арсеньевны никогда не был. Даже в университетском учебнике 1964 г., максимально близком к учебникам В. А. Белошапкиной по времени, синтаксис — это «отдел грамматики, в котором изучается структура целого законченного сообщения (предложения) и его частей, словосочетаний и синтагм. В содержание синтаксиса входит учение о предложении, словосочетании, их строении и типах и учение о синтагме». Слово изучается в синтаксисе «как элемент словосочетания и член предложения» [Современный русский язык 1964: 252].

Можно найти и другие подтверждения того, что «Синтаксис» В. А. Белошапкиной не является прямым следованием Шахматову и Виноградову в отношении к синтаксическим единицам. Логика шахматовского «Синтаксиса» представлена в учебниках В. А. Белошапкиной в противоречии с реальным путем движения мысли Шахматова. Создается впечатление, что предложение выделяется Шахматовым по отношению к словосочетанию: «А. А. Шахматов вслед за Ф. Ф. Фортунатовым определяет словосочетание как “такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других...”, а потому предложение, состоящее из двух и более слов, считает тоже словосочетанием, но “законченным”, соответствующим “законченной” единице мышления. Однако предложение, по мнению Шахматова, не просто разновидность словосочетания, а особая синтаксическая единица, которая может быть представлена и одной словоформой» [Белошапкина 1981: 400–401] [Белошапкина 1989: 589]. А. А. Шахматов выводил понятие предложения из своего понимания «коммуникации», а словосочетание является для него производным от предложения, а не наоборот. В. В. Виноградов

характеризовал взгляды Шахматова на соотношение предложения и словосочетания как «диаметрально противоположные» фортунатовским [Виноградов 1958: 391]. Сходясь, отмечал Виноградов, эти ученые в том, что оба определяют предложение как разновидность психологического суждения.

Таким образом, если добавить к сказанному еще десятки фактов, свидетельствующих, что «в “Российской грамматике”, сочиненной Академией Российской, отсутствует теория предложения» [Виноградов 1958: 107] (как и у Ломоносова); «в крупнейших грамматических исследованиях середины XIX в. (“Историческая грамматика русского языка” Ф. И. Буслаева, “Из записок по русской словесности” А. А. Потебни) нет разделов, посвященных учению о словосочетании» [Белошапкина 1981: 400] и т.д., то получается, что «прочная», «устоявшаяся», «давняя», «стойкая» и т.п. традиция выделения двух синтаксических единиц на самом деле не существует и была искусственно сконструирована в последней трети XX в. Более того, такой «традиции» не могло сложиться по объективно-субъективным условиям развития отечественной науки — это убедительно демонстрирует В. В. Виноградов, анализируя, как «самый предмет синтаксиса и его задачи выясняются постепенно» на протяжении XIX века [Виноградов 1958: 371–395].

Не попадают в указанную «традицию» и Академические грамматики 1970 и 1980 гг. Раздел «Синтаксис» в Грамматике-70 открывается главой о подчинительных синтаксических связях, в которой небольшой параграф, посвященный словосочетанию, занимает последнее место. При этом словосочетание характеризуется как *синтаксическая единица* [Грамматика 1970: 536], а о предложении в начале соответствующего раздела говорится, что оно является *особой грамматической категорией* [Грамматика 1970: 541], а затем дается следующее определение: «Простое предложение — это самостоятельная синтаксическая единица сообщения, грамматическим значением которого является предикативность, а формой — минимальная структурная схема с принадлежащей ей системой собственно грамматических средств для выражения синтаксических времен и наклонений» [Грамматика 1970: 544]. Понятие предложения становится производным от понятия структурной схемы, т.е. онтологическая сущность объекта извлекается из гносеологического инструмента его описания. Сложное предложение описывается крайне запутанно и по отношению к простому, и по отношению к словосочетанию, в результате чего возникает определение его как «сочетания предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения» [Грамматика 1970: 653]. Уяснить соотношение понятий *синтаксическая единица*, *предикативная единица* и *единица сообщения* из этих формулировок и окружающего их текста крайне затруднительно.

В Грамматике-80 собственно синтаксических единиц три, как и у В. А. Белошапковой, а слово и словоформа характеризуются в высшей степени укловчиво: «§ 1708. Синтаксис как область грамматического строя языка объединяет в своих границах такие единицы, которые или непосредственно формируют сообщение, или служат компонентами формирующей его конструкции. Такими синтаксическими единицами являются словосочетание, простое предложение и сложное предложение. В сферу синтаксиса входят также единицы сообщения, которые не имеют собственных грамматических характеристик и объединяются с грамматическими предложениями функционально <...> Кроме названных единиц, принадлежащих только синтаксису, в его сферу входят также единицы, принадлежащие другим областям языка и участвующие в образовании синтаксических единиц; это — слово и форма слова» [Грамматика 1980: 6]. Какой научный смысл имеет формулировка «в его сферу входят», сказать трудно. В целом же §§ 1706–1714 в Грамматике-80 представляют собой терминологическую «катастрофу» в плане использования термина (?) *единица* и связанных с ним: там есть и *языковые единицы*, и *сообщающие единицы*, и *конструкции, которые являются единицами*, и *конструкции, состоящие из единиц*, и *конструкции, которые являются компонентами единиц*. Простое предложение является не центральной синтаксической единицей, а *центральной грамматической единицей синтаксиса*. Очевидно, попытки установления референтов для всех именных групп такого типа в данном тексте не предполагаются.

В заключение нам осталось последний раз вернуться к «Синтаксическим сюжетам», чтобы проверить, насколько адекватно передана там «альтернативная» точка зрения на синтаксические единицы, выраженная в трудах Г. А. Золотовой и ее последователей. «Тот факт, что предложение строится из форм слов и словосочетаний, а последние также включают в свой состав формы слов (словоформы), побудил Г. А. Золотову сделать вывод, что синтаксическими единицами являются не словосочетания и предложения, а именно словоформы, которые она называет *синтаксемами*» [Анипкина, Бубнова, Крылова 2016; 10]. Г. А. Золотова предстает в этом фрагменте как ученый с довольно странной логикой. Во-первых, вывод о том, что синтаксическими единицами являются не словосочетания и предложения, а словоформы, сделан ей на весьма шатком основании, на котором выделять единицы не возьмется ни один здравомыслящий лингвист. Во-вторых, она зачем-то (очевидно, чтобы множить термины) переименовала словоформы в «синтаксемы».

Что же на самом деле? Словоформы Г. А. Золотова называет словоформами, а синтаксема (синтаксическая форма слова) — это принципиально иное понятие, объединяющее форму, значение и функцию. К формулированию понятия синтаксемы как *минимальной* синтаксической единицы проф. Золотову «побудил» целый ряд взаимосвязанных фактов, которые

подробно изложены в предисловии к «Синтаксическому словарю» [Золотова 1988] и других ее работах. Крайне далек от действительности следующий комментарий коллег из РУДН к определению синтаксемы у Золотовой как «минимальной далее неделимой семантико-синтаксической единицы русского языка, выступающей одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений, характеризуемой, следовательно, определенным набором синтаксических функций» [Золотова 1988: 4]. Они пишут: «Из этого определения ясно, что для исследователя важно выделить такую единицу, которая характеризуется не только с точки зрения ее собственно синтаксической организации, т.е. грамматической стороны, но также с лексико-семантической стороны, а этот подход с неизбежностью размывает границы между грамматикой и семантикой» [Анипкина, Бубнова, Крылова 2016: 11]. У Г. А. Золотовой — с точностью до наоборот: «Речь идет о тех единицах, из которых формируются и на которые соответственно членятся предложения, о единицах, которые были бы носителями элементарных смыслов и вместе с тем — дифференциальных синтаксических признаков. *Это последнее условие — различия в собственно синтаксических функциональных свойствах — должно быть тем критерием, которым и здесь определится необходимая ступень абстракции.* Ни слово, ни часть речи этому условию не отвечают: разные формы той или иной части речи очевидно различаются синтаксическими возможностями, достаточно сопоставить личные и не-личные — инфинитивные, причастные, деепричастные — формы одного ли глагольного слова или всей категории глагола. Именно форма слова как строительная единица синтаксиса получает в последнее время признание лингвистов» [Золотова 1973: 19] (курсив наш. — М. С.).

Далее эти положения были развиты в [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 (1998)]. «Исследования последних полутора десятилетий, — констатирует Г. А. Золотова, — дали достаточно оснований считать синтаксическую форму слова, или синтаксему, элементарной, конститутивной единицей русского синтаксиса. Соединяя в себе морфологическую, категориально-семантическую и функционально-синтаксическую характеристики, синтаксема отвечает двум, количественному и качественному, условиям конститутивной единицы: а) она вступает с другими синтаксическими единицами в отношения часть / целое (и предложение и словосочетание с точки зрения синтеза составляются из синтаксем, с точки зрения анализа членятся на синтаксем); б) синтаксеме как элементу построения и одновременно носителю элементарного смысла свойственны органические черты, присущие целому как таковому» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 49]. И выделение синтаксемы, и доказательство ее конститутивного статуса, и функциональная классификация синтаксем проводятся Г. А. Золотовой на собственно синтаксических основаниях.

Наконец, еще в «Очерке функционального синтаксиса русского языка» Галина Александровна высказалась совершенно определенно: «Если предложение функционирует как основная синтаксическая единица на коммуникативной ступени синтаксиса, то на докоммуникативной ступени, на ступени строительного синтаксического материала за первичную, минимальную единицу синтаксиса принимаем синтаксическую форму слова» [Золотова 1973: 10]. То есть предложение у Золотовой *является* синтаксической единицей коммуникативного уровня. Таким образом, в части перечня синтаксических единиц грамматика Г. А. Золотовой оказывается не дальше от мифологизованной «традиции», чем учебник В. А. Белошапковой. Более того, если говорить не о мифологизированной традиции, а о реальной программе синтаксических исследований, сформированной Виноградовым, именно подход Г. А. Золотовой является непосредственным ее продолжением, так как предлагает решение вопроса, который Виноградовым был поставлен. С одной стороны, синтаксемная теория позволяет последовательно и непротиворечиво решить проблему «вхождения» слова в синтаксис, выстраивая не чисто описательную, но учитывающую порождающие механизмы картину речевой деятельности, с другой — обеспечивает выделение синтаксических единиц и для докоммуникативного (синтаксема), и для коммуникативного (предложение) уровня, придавая слову *уровень* в этом употреблении терминологический статус.

Выводы. Традиции выделения двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения — в русской грамматической науке не существует, т. к. достаточного для того, чтобы говорить о традиции, количества грамматических работ, в которых бы выделялись обе эти единицы, и только они, при этом к ним обеим характеристика «синтаксическая единица» применялась терминологически, просто нет. В русской грамматической науке существует выявленная В. В. Виноградовым традиция установления и исследования синтаксических объектов, которые должны отвечать целому ряду условий: быть собственно лингвистическими, а не логическими или психологическими; описываться через систему правил и закономерностей, т. е. грамматически, а не как «индивиды», т. е. лексикологически; участвовать в построении связной речи; реализовывать заложенные в системе языка синтаксические потенции слова и способы сочетания слов, характерные для данного национального языка. Эти объекты могут терминологически обозначаться как *синтаксические единицы* с двух точек зрения: 1) в определенной понятийной системе, соответствующей уровневой концепции языка, аналогично фонетическим, лексическим, морфологическим единицам; 2) для характеристики содержания синтаксиса как раздела языкознания, включающего учение о синтаксических категориях, отношениях и единицах.

Проблема синтаксической единицы релевантна для науки о языке в контексте более широких проблем статуса предложения и слова как двух основных *языковых единиц* и предикативности как механизма, обеспечивающего коммуникативное функционирование языка.

На примере мифа о двух синтаксических единицах можно выделить следующие общие средства создания научного мифа в учебной и научной литературе:

- 1) случайное или намеренное искажение фактов;
- 2) неоднозначные высказывания (утверждение о том, что *традиционно в русской грамматике выделялись две синтаксические единицы — словосочетание и предложение* — может пониматься двояко: разными учеными выделялась одна из этих единиц или все ученые выделяли обе единицы);
- 3) расширительное понимание слов (*у истоков, развитие идеи* и т. п.);
- 4) манипулирование характеристиками «традиция» и «традиционный»;
- 5) использование адекватных цитат, но с искажением целеполагания и логики научного поиска цитируемого ученого;
- 6) изолированное цитирование одной из редакций источника, претерпевшего изменения в последующих редакциях;
- 7) смешение терминологического и нетерминологического использования слов.

Не является ли обсуждение синтаксических единиц и языковых уровней схоластическим в современной ситуации прагматической ориентированности филологии? Нет, и не только потому, что «исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения», прежде всего понятий центральных — слова и предложения, ибо «если эти центральные понятия сбивчивы, грамматика превращается в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке» [Виноградов 2001 (1947): 13]. Есть и другая причина, выходящая за пределы собственно грамматических штудий. Первая встреча с текстом всегда лингвистическая. На занятиях по русскому языку и культуре речи мы учим студентов-нефилологов различных специальностей читать внимательно и ответственно относиться к слову, в том числе отличать терминологические употребления от нетерминологических, рассматривать термин в историческом контексте и общем контексте взглядов ученого, разделять точку зрения автора и собственную интерпретацию и т.п. Новое поколение филологов также не должно быть лишено необходимых знаний и навыков в области аналитического чтения и толкования научного текста, а воспитание привычки ответственного отношения к научным формулировкам необходимо

не только для развития отечественной лингвистики, но и для ее разумной интеграции в мировое научное поле.

Литература

Анипкина Л. А., Бубнова Н. А., Крылова О. А. Синтаксические сюжеты. Москва: Русский язык, 2016. 240 с.

Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Высшая школа, 1977. 248 с.

Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. Москва: Изд-во МГУ, 1958. 399 с.

Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. Москва: Изд-во АН СССР, 1955. С. 389–435.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. Москва: Русский язык, 2001. 720 с.

Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Синтаксис. Москва: Либроком, 2014. 200 с.

Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис. Ч. 1 / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. Москва: АН СССР, 1954. 703 с.

Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1970. 767 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Москва: Наука, 1973. 352 с.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва: Наука, 1988. 439 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. Москва: Наука, 2004. 544 с.

Русская грамматика. Т. 2 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 710 с.

Современный русский язык. Ч. II: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. Москва: Изд-во МГУ, 1964. 638 с.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. Москва: Высшая школа, 1981. 560 с.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. Москва: Высшая школа, 1989. 800 с.

References

Anipkina L. A., Bubnova N. A., Krylova O. A. Sintaksicheskie syuzhety. Moscow: Russkij yazyk, 2016. 240 s.

Beloshapkova V. A. Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis. Moscow: Vy'sshaya shkola, 1977. 248 s.

Vinogradov V. V. Iz istorii izucheniya russkogo sintaksisa. Moscow: Izd-vo MGU, 1958. 399 s.

Vinogradov V. V. Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya (na materiale russkogo yazyka) // Voprosy grammaticheskogo stroya. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 389–435.

Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. 4-e izd. Moscow: Russkij yazyk, 2001. 720 s.

Galkina-Fedoruk E. M., Gorshkova K. V., Shanskij N. M. Sovremennyy russkij yazyk: Sintaksis. Moscow: Librokom, 2014. 200 s.

Grammatika russkogo yazyka. T. II. Sintaksis: Ch. 1 / Pod red. V. V. Vinogradova, E. S. Istrinoy. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1954. 703 s.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Pod red. N. Yu. Shvedovoj. Moscow: Nauka, 1970. 767 s.

Zolotova G. A. Oчерk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. Moscow: Nauka, 1973. 352 s.

Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar'. Repertuar ehlementarnyh edinic russkogo sintaksisa. Moscow: Nauka, 1988. 439 s.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. 2-e izd. Moscow: Nauka, 2004. 544 s.

Russkaya grammatika. T. 2 / Pod red. N. Yu. Shvedovoj. Moscow: Nauka, 1980. 710 s.

Sovremennyy russkij yazyk. Ch. II: Morfologiya. Sintaksis / Pod red. E. M. Galkinoy-Fedoruk. Moscow: Izd-vo MGU, 1964. 638 s.

Sovremennyy russkij yazyk / Pod red. V. A. Beloshapkovoj. Moscow: Vy'sshaya shkola, 1981. 560 s.

Sovremennyy russkij yazyk / Pod red. V. A. Beloshapkovoj. Moscow: Vy'sshaya shkola, 1989. 800 s.

Сведения об авторе: Сидорова Марина Юрьевна; доктор филологических наук; доцент; профессор кафедры русского языка филологического факультета; МГУ имени М. В. Ломоносова; ORCID 0000-0002-0071-3073; sidorovadoma@mail.ru; сфера научных интересов: коммуникативная грамматика русского языка, лингвистический анализ текста, история русской филологической науки, стилистика и культура речи.

The author's profile: Marina Yuryevna Sidorova; Doctor of Philology; Professor; Russian Language Department; Faculty of Linguistics; Moscow Lomonosov State University; ORCID 0000-0002-0071-3073; sidorovadoma@mail.ru; research interests: communicative grammar of Russian language, text analysis, history of Russian linguistics, stylistics and rhetoric.